

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПУБЛИЦИСТИКА МОЛОДОГО ЭНГЕЛЬСА

В. В. Сазонов

В корреспонденции из Лондона в «Rheinische Zeitung» от 30 ноября 1842 г. Ф. Энгельс, незадолго до того приехавший в Англию, напоминая о летних волнениях пролетариата, закончившихся внешне будто бы безрезультатно, писал: «И тем не менее немущие из этих событий извлекли для себя пользу: это — сознание, что революция мирным путем невозможна и что только насильственное ниспровержение существующих противоестественных отношений, радикальное свержение дворянской и промышленной аристократии может улучшить материальное положение пролетариев... Эта революция будет начата и проведена ради интересов, а не ради принципов; лишь из интересов могут развиваться принципы, т. е. революция будет не политической, а социальной»¹. Эти слова свидетельствовали об определенной повороте в духовном и политическом развитии 22-летнего Энгельса, о его отходе от идеализма и наметившемся переходе на позиции материализма, об усиливавшихся у него коммунистических убеждениях. Пройдет еще некоторое время, прежде чем переход этот станет очевидным и будут преодолены идеалистические взгляды и влияние младогегельянской идеологии. Основательное знакомство с положением рабочего класса Англии, изучение экономических и социальных отношений в этой стране помогли Энгельсу понять решающее значение экономического фактора в историческом процессе, сыграли определяющую роль в формировании его коммунистических взглядов. Но этому предшествовало несколько лет мучительных поисков, внутренней борьбы, выработки нового мировоззрения. Исследователи, вновь и вновь обращаясь к этому важному этапу жизни Энгельса, не перестают поражаться яркости и даровитости публициста Ф. Освальда (псевдоним Ф. Энгельса. — В. С.), его могучему темпераменту политического борца, стремительности его идейного роста.

Уже первое публицистическое выступление Энгельса произвело большое впечатление. «Письма из Вупперталя»², помещенные без подписи в марте и апреле 1839 г. в главном органе «Молодой Германии»³ — «Telegraph für Deutschland» К. Гуцкова, живо обсуждались не только среди жителей Бармена и Эльберфельда, возмущенных дерзостью анонима и пытавшихся угадать истинного автора, но и в прессе. «Elberfelder Zeitung» зачислила его в разряд «молодых гениев», коммивояжеров «Молодой Германии», которые торопятся изложить свои впечатления в форме путевых заметок. Газета верно подметила пристрастие писателей «Молодой Германии» к этому жанру. Оно не было случайным, а диктовалось определенным характером государственных и общественных отношений в Германии того времени. Раздробленность страны на несколько десятков мелких государств, господствующий дух провинциальной замкнутости наряду с сословными привилегиями и всемогуществом местной бюрократии мешали ее промышленному и культурному развитию. Идея единства, стремление преодолеть внутренние пограничные кордоны все прочнее укоренялись в сознании немцев, находя отражение в желании познакомиться с землями, которые должны были стать частью будущего

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 502—503.

² Вупперталь — долина реки Вуппер, где находятся города Бармен (место рождения Ф. Энгельса) и Эльберфельд.

³ «Молодая Германия» — литературное направление, возникшее в 30-х годах XIX в., находившееся под влиянием Г. Гейне и Л. Бёрне и отражавшее оппозиционные настроения мелкой буржуазии.

единого государства. Ответом на это желание и были сочинения писателей, составивших младогерманское направление в литературе. Они шли по стопам Г. Гейне, давшего в своих «Путевых картинах» (1826—1831 гг.) яркую характеристику тогдашней Германии с ее неподвижностью и отсталостью, бесплодной ученостью, бесправием и филистерством. Одним из последователей Гейне весной 1839 г. и стал автор «Писем из Вупперталя».

Во времени их опубликования 18-летний Энгельс уже более полугода прожил в «вольном городе» Бремене. Отдаление от семьи, освобождение от атмосферы мистицизма, подавлявшего стремившееся к независимости мышление юноши, во многом определили его развитие в духе радикального демократизма. Переехав в Бремен, Энгельс, видимо, уже работавший над «Письмами из Вупперталя», писал своему гимназическому другу Ф. Греберу 19 февраля 1839 г.: «Я все более и более отчаиваюсь в Бармене: в литературном отношении это конченный город. Педаром называют Бармен и Эльберфельд обскурантистскими и мистическими городами; у Бремена та же репутация, и он имеет большое сходство с ними; филистерство, соединенное с религиозным фанатизмом, к чему в Бремене еще присоединяется гнусная конституция, препятствуют всякому подъему духа...»⁴. И все же пребывание в Бремене, духовная жизнь которого как порта, связанного с иностранной, была богаче, чем жизнь Вупперталя, предоставило юноше неизмеримо большие возможности для расширения кругозора, умственного и нравственного развития.

С жадностью набрасывается юный Энгельс на новую и старую литературу, которая дома была ему недоступна, поглощает классику, отечественную и зарубежную, сочинения писателей «Молодой Германии», а главное, либеральную публицистику, многие произведения которой выходили за пределы Германии и тайно доставлялись в страну. «У меня особый интерес к такой литературе»⁵. Писал Энгельс Греберам вскоре после своего приезда в Бремен. Среди этих книг были и сочинения Л. Бёрне, которого Ф. Энгельс называл «знаменосцем немецкой свободы»⁶. В Бремене Энгельсу, владевшему уже многими иностранными языками, становятся доступными и заграничные газеты. Все пристальней взглядываются он в окружающую действительность, его «охватывает дух свободы». Темперамент бойца требует действия. И Энгельс наносит первый — довольно чувствительный — удар ретроградной, ханжеской Германии своими «Письмами из Вупперталя».

С первых же строк авторское легкое, а иногда и острое иронией (в полном соответствии с традициями «Молодой Германии») знакомит читателя с городом, пользующимся у просвещенных людей «самой дурной славой», умело выделяет его наиболее примечательные особенности: узкую реку, стиснутую дымными фабричными зданиями и белильнями, ярко-красный цвет воды — «не от стыда за людские нравы, хотя на это имеется поистине достаточно оснований, а исключительно от множества красилен», башню старой католической церкви, «которая по-своему служит всеобщему благу, а именно, — в качестве тюрьмы», музей, превращенный в казино, и т. д. и т. д. Ирония сменяется лиризмом, когда Энгельс живописует окрестности города. И мрачным, пожалуй, даже диссонирующим аккордом звучит после этого неожиданный вывод: общему приятному впечатлению от внешнего вида долины отнюдь не отвечает содержание жизни вупперталяцев. Пьянство и мистицизм — вот удел большей их части. Тяжелый фабричный труд, «в большинстве случаев, начиная уже с шестилетнего возраста», приводит к массовым заболеваниям чахоткой, а вкупе с пьянством — к повышенной смертности. «Среди низших классов господствует ужасная нищета, особенно среди фабричных рабочих в Вуппертале; сифилис и легочные болезни настолько распространены, что трудно этому поверить; в одном Эльберфельде из 2 500 детей школьного возраста 1 200 лишены возможности учиться и растут на фабриках — только для того, чтобы фабриканту не приходилось платить взрослому рабочему, которого они заменяют, вдвое против той заработной платы, какую он дает малолетнему»⁷.

И далее Энгельс переходит к уничтожающей характеристике одного из основных течений в протестантской церкви — пиетизма, которое господствовало в реформатской

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М. 1956, стр. 277.

⁵ Там же, стр. 262.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1, стр. 479.

⁷ Там же, стр. 451, 452, 455, 456.

(кальвинистской) общине Эльберфельда. Ханжество и дикая нетерпимость пиетистов, нелепое учение о предопределении, основу которого составляет догмат о неспособности человека по собственной инициативе желать добра, а тем более творить его, — все это подвергается Энгельсом резкой критике. Заганчивая первую часть «писем» оптимистической нотой («...эта скала старого обскурантизма не может больше противостоять бурному потоку времени: песок будет унесен течением и скала с грохотом рухнет»), вторую Энгельс открывает изображением того, как пиетизм отрицательно влияет на все стороны жизни Вупперталя, в особенности на школьное образование. В церковных школах — а они «посещаются гораздо усерднее, ибо они значительно дешевле» — ученикам вдобавляют, кроме чтения, письма и счета, только катехизис, преподавание же в других учебных заведениях Эльберфельда таково, что «в полгода может превратить ученика в тупицу»⁸.

Вупперталяцы, пишет Энгельс, в сущности, не знакомы с настоящей литературой. Очень немногие читали кое-что из Гейне. И хотя среди них живет поэт Ф. Фрейдриграт, представитель нового поэтического поколения (будущий друг и соратник Маркса и Энгельса по «*Neue Rheinische Zeitung*»), их главное стремление заключается в том, чтобы познакомиться с ним, а не с его стихами; они жаждали «выпить на брудершафт с человеком, который что-то напечатал, ибо для этих людей поэт ничто, но печатающийся автор — все»⁹.

В долине Вуппера, затопленной «морем пиетизма и филистерства», «проза лишена какой бы то ни было ценности», журналистика слаба (даже лучшая из местных газет — «*Elberfelder Zeitung*» пользуется большим признанием за пределами города), а для поэзии характерны однообразие и религиозное ханжество. Удивительно ли, что вупперталяцы всполюшились, «прославившись» столь неожиданно — и где? В журнале ненавистной им «Молодой Германии». Энгельс, узнав об этом, писал В. Греберу 28—30 апреля 1839 г.: «Только что получил письмо от В. Бланка, где он пишет мне, что статья вызвала страшный шум в Эльберфельде; д-р Рункель ругает ее в «*Elberfelder Zeitung*» и упрекает меня в неправдивости; я предлагаю ему указать хоть на одну неточность в моей статье — он этого не сумеет сделать, так как все приводимое в ней основано на фактах, полученных мной от очевидцев»¹⁰.

Исследователи уже проводили сопоставление очерков Энгельса с появившейся в то же время (март 1839 г.) в лейпцигской «*Zeitung für die elegante Welt*» анонимной корреспонденцией «Из Эльберфельда»¹¹. Поразительное сходство в изображении вупперталяцев Энгельсом и его безымянным союзником только подтверждает авторскую объективность молодого публициста, который писал В. Греберу о своей статье: «В ней, может быть, есть отдельные преувеличения, но в целом она дает верную картину действительности, расматриваемой под разумным углом зрения»¹².

«Письмами на Вупперталя» открывалось длительное, почти трехлетнее сотрудничество Энгельса в ведущем органе «Молодой Германии». «*Telegraph für Deutschland*» переживал тогда пору наивысшего подъема, число его подписчиков было самым большим, а популярность довольно устойчивой. Привлечение К. Гуцковым в качестве сотрудников наиболее талантливых литераторов сделало журнал, пожалуй, самым интересным и ярким периодическим изданием тех лет. К тому времени, когда Гуцков стал издавать «*Telegraph*», внутри «Молодой Германии» определились уже довольно отчетливо две группировки: рейнско-гамбургская во главе с Гуцковым и Винбаргом и лейпцигско-берлинская — Мундт, Кюне, Лаубе. Первая занимала более радикальные позиции, вторая — умеренные. В письме Ф. Греберу от 20 января 1839 г., то есть еще до «Писем из Вупперталя», Энгельс язвительно характеризовал сторонников Мундта и Кюне¹³ и не случайно послал «Письма из Вупперталя» именно Гуцкову. Нельзя не поражаться тому, как 18-летний юноша, только вступающий на литературную стезю, точно оценивал значение «Молодой Германии» в целом и как хорошо понимал внутреннюю противоречивость этого направления.

⁸ Там же, стр. 463—465.

⁹ Там же, стр. 468.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 296.

¹¹ V. Machačková. Der junge Engels und die Literatur. В. 1961, S. 73—74.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 299.

¹³ См. там же, стр. 273.

Журнал Гукцова был тем органом, где публицистический талант Энгельса сформировался и окреп. За два с половиной года им было опубликовано в «Telegraph» 19 произведений, чаще всего под псевдонимом Ф. Освальд. В основном это литературно-критические и публицистические статьи. Писал ли Энгельс о народных книгах или о творчестве поэтов К. Бека и А. Платена, о драмах К. Гукцова или мемуарах К. Иммермана, в той или иной форме он стремился выразить свое отношение к «идеям века», к явлениям, господствовавшим в жизни общества, определявшим его физиономию. Характерны в этом смысле замечания, сделанные им в одной из статей. «Ничто не ново под луной!» — начинает статью Энгельс. Справедливо ли это банальное утверждение? «Нет, — отвечает он, — нового достаточно, но его подавляют», если оно представляет собой не эластичную псевдодистину, а несет угрозу старым идеям, оспаривающим друг у друга «честь искоренения свободной мысли». Реакционеры всех мастей немедленно хватаются за оружие, как только чувствуют, что «их царству грозит гибель». И Энгельс подчеркивает, что «мощным реакционным явлениям в жизни церкви и государства соответствуют менее заметные тенденции в искусстве и литературе». Энгельса удивляет, что «сопоставление этих тенденций нигде еще не было сделано», ибо в чем же, как не в таком сопоставлении, заключается задача критики. По его мнению, она должна не только указывать на попятные тенденции в искусстве и литературе, но и выявлять и подчеркивать их неразрывную, хотя часто и скрытую от поверхностного взгляда связь с соответствующими явлениями в политике, в жизни государства и общества¹⁴. Такая позиция резко выделила Энгельса из среды других критиков и публицистов.

После «Писем из Вупперталя» и небольшой заметки целых полгода Энгельс ничего не публиковал. Только с осени 1839 г. вновь начинается его активное сотрудничество в журнале Гукцова и других немецких периодических изданиях («Mitternacht-Zeitung für gebildete Leser», «Morgenblatt für gebildete Leser», «Deutscher Courier», «Athenäum» и др.). Почему же вдруг после столь блестящего дебюта у Энгельса наступил перерыв в творчестве? Некоторые исследователи не без оснований считают, что это было время интенсивной работы мысли молодого публициста, складывания его мировоззрения, борьбы с религиозными призраками¹⁵. Об этом свидетельствуют его письма гимназическим друзьям Греберам и сестре Марии. «Я теперь очень много занимаюсь философией и критической теологией, — пишет Энгельс Ф. Греберу 23 апреля — 1 мая 1839 г. — Когда тебе 18 лет и ты знакомишься со Штраусом, рационалистами и «Kirchenzeitung», то следует или читать все, не задумываясь ни над чем, или же начать сомневаться в своей вуппертальской вере»¹⁶. Это письмо открывает полемику Энгельса со студентами-теологами братьями Греберами об истинности церковного учения. В своей аргументации Энгельс прежде всего следовал примеру Д. Ф. Штрауса, который в книге «Жизнь Иисуса» анализировал конкретные неопределенности в тексте библии, противоречия между Старым и Новым Заветами и т. п. Выступая против ортодоксальной теологии, Энгельс сначала поддерживал общее для младогерманцев и младогегельянцев требование религиозной терпимости. 9 апреля 1839 г. он пишет Ф. Греберу: «Теперь я честный, очень терпимый по отношению к другим супернатуралист; сколько времени я останусь им, не знаю, но я надеюсь остаться таковым, хотя и склонюсь иногда, то больше, то меньше, к рационализму»¹⁷.

Проходит месяц, и склонность юноши к рационализму становится очевидным фактом. Уже в мае в заметке «Проповедь Ф. В. Круммахера об Иисусе» он критикует утверждение вуппертальского пастора, будто Солнце вращается вокруг неподвижной Земли, именно с рационалистических позиций. «Жизнь Иисуса» Д. Ф. Штрауса произвела на юношу сильнейшее впечатление, но он не смог легко и безболезненно отвергнуть веру. Слишком глубоко укоренились в его сознании религиозные предрассудки, привитые семьей, школой и церковью. Книга Штрауса вызвала усиленную работу мысли. Энгельса захватил поток сомнений. В душе его возникает разлад, ибо мистическое религиоз-

¹⁴ Там же, стр. 353, 354, 357.

¹⁵ См. например, V. Machačkova. Op. cit.; H. Ulrich. Der junge Engels. В. 1961.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 282.

¹⁷ Там же, стр. 281—282.

ное чувство никак не согласовывалось с интеллектуальными запросами. Попытка совместить выводы Штрауса, отвергавшего божественное происхождение евангельских мифов, с верой в то, что христианское учение берет начало в глубочайших источниках человеческой души и коренится в стремлении искупить грех милостью божией, потерпела крах. Основательно проштудировав Штрауса, Ф. Энгельс делает решающий выбор: «Я теперь восторженный штраусианец»¹⁸, — сообщает он В. Греберу 8 октября 1839 года. Штраус не только способствовал освобождению сознания Энгельса от религиозных пут. Через Штрауса он пришел к Гегелю.

«Весенне-летние каникулы» 1839 г. были для Энгельса периодом размышлений. Он много и жадно читал, стремясь войти в курс современных литературных и общественно-политических событий. Не прекращались и собственные пробы пера. Очень много внимания уделял он при этом овладению «современным стилем», которому свойственны «предельная краткость и чеканность, характеризующая свой объект одним словом, вперемежку с эпическим, спокойным описанием; простой язык вперемежку со сверкающими образами и яркими блестками остроумия»¹⁹. Этому стилю Энгельс, по его словам, учился у своих современников — Гейне, Гуцкова, Винбарга, у классиков — Лессинга, Гёте, Жана Поля. Однако идеалом для него был Бёрне, и главным образом потому, что он блестяще сочетал стилистическое умение с разящим мастерством полемиста. Уроки, которые Энгельс «брал» у лучших мастеров немецкой литературы и публицистики, принесли великолепные плоды. Чем дальше, тем все более крепнет стиль молодого критика и публициста. Его манера письма привлекает четкостью, энергией, тонким и подчас язвительным остроумием, образностью.

Первое же после перерыва литературно-публицистическое выступление Энгельса — статья «Немецкие народные книги» (ноябрь 1839 г.) — показало, что период ученичества закончился. В «Telegraph für Deutschland» одна за другой появляются его статьи: «Немецкие народные книги», «Из Эльберфельда», «Карл Бек», «Ретроградные знамена времени», «Платен» и другие. В первой из них Энгельс смело выступил против тех литературных явлений, которые открыто или завуалированно выражали интересы реакции. Он прямо указал на необходимость дать в руки народу такую книгу, которая воспитывала бы в нем гордое сознание своих прав и своего достоинства, своей силы и свободы, помогла бы «пробудить его мужество, его любовь к отечеству»²⁰. Рассматривая ряд книг, Энгельс востает против выдвигения в них на первый план реакционных религиозных мотивов и идеализации «смирения». Народная книга, заявляет он, должна отвечать своему времени, если это подлинно народная книга. «В частности, если взять современную нам жизнь, ту борьбу за свободу, которой проникнуты все явления современности, — развивающийся конституционализм, сопротивление гнету аристократии, борьбу мысли с иезуитизмом, жизнерадостности с остатками угрюмого аскетизма, то я не вижу, почему мы не вправе были бы требовать от народной книги, чтобы она в этом отношении пришла на помощь малообразованному человеку, показала ему, хотя, конечно, не путем непосредственной дедукции, истинность и разумность этих стремлений, — но ни в коем случае не потворствовала бы лицемерию, низкопоклонству перед знатью и иезуитизму»²¹.

Следующая крупная статья Энгельса в «Telegraph» была посвящена одному из виднейших лириков «Молодой Германии», Карлу Беку. Энгельс был одним из самых восторженных его поклонников. В мае 1839 г. он пишет друзьям, что произведения Бека восхищают его, что ему импонируют неукротимая фантазия поэта, его свободолюбие и юношеский задор. Энгельс сравнивает новую поэтическую звезду по таланту с Фрейлигратом, Шиллером и даже Гёте. Он многого ждет от Бека, все более укрепляясь в убеждении, что в Германии появился незаурядный поэт, «огромнейший талант, более того — гений»²². Но это восхищение не мешает Энгельсу разглядеть и неясность в стихах Бека. Внимательно следит он за дальнейшим творчеством поэта, не пропуская ни одной публикации его стихов в журналах и ожидая обещанного нового сборника — «Тихие песни». Этот последний появился в конце 1839 г. и не принес мо-

¹⁸ Там же, стр. 316.

¹⁹ Там же, стр. 318.

²⁰ Там же, стр. 344.

²¹ Там же, стр. 344—345.

²² Там же, стр. 314.

лодому критику ничего, кроме разочарования. Энгельс подвергает переоценке творчество поэта в статье «Карл Бек».

Что же послужило основанием такого поворота? Почему, несколько месяцев назад назвав Бека гением, теперь Энгельс склоняется к тому, чтобы признать его даже неоригинальным? Энгельс понял, что слабости Бека, которым он поначалу не придавал серьезного значения, не были поэтом преодолены и даже напротив — усугубились. Мысли в его стихах хаотичны, самые сильные образы тонут в сплошном потоке фраз, назойливое раздувание мотивов мировой скорби слишком противоестественно. Статья эта интересна и тем, что в ней довольно четко высказано отношение Энгельса к Л. Бёрне, «сильный, несокрушимый характер» которого его восхищал. Критикуя образ Бёрне, который создал Бек в своих стихах, Энгельс восклицает: «Разве Бёрне недостаточно поэтичен сам по себе, и его нужно еще наштамповать этой новомодной мировой скорбью?.. Ведь в том-то и заключается величие Бёрне, что он был головою выше жалкой риторики и мелких лозунгов наших дней»²³. Эти слова весьма знаменательны. Они говорят о том, что Энгельс разглядел за высокопарными фразами младогерманцев их переиначенность и непоследовательность, понял их неспособность к энергичным действиям. Ему был гораздо ближе политический радикализм предтечи «Молодой Германии» — Бёрне, цельность его характера и непреклонный санкюлотизм. Боязливые политические намеки в литературных выступлениях младогерманцев не могли увлечь Энгельса. Вполне понятно, что он все более тяготеет к Бёрне и постепенно охладевает к «Молодой Германии».

Этому немало способствовало и чтение Гегеля, которому с осени 1839 г. Энгельс уделял все большее внимание. «Я как раз на пороге того, чтобы стать гегельянцем, — пишет он В. Греберу в ноябре. — Стану ли я им, я, право, еще не знаю, но Штраус так мне осветил Гегеля, что это кажется мне довольно правдоподобным. Кроме того, его (Гегеля) философия истории как бы вычитана из моей души»²⁴. А через месяц в письме Ф. Греберу он уже восхищается гегелевской системой, «которая вылита как бы из одного куска и не нуждается ни в каких скрепах, чтобы держаться в целостности», и сообщает, что каждый вечер штудирует «Философию истории»: «...ее титанические идеи страшно захватывают меня»²⁵. Особенно увлекла Энгельса «мысль, что всемирная история есть развитие понятия свободы»²⁶, он не раз обращался к ней в своих дальнейших публицистических выступлениях. Внимательно изучая сочинения Гегеля, Энгельс приглядывался и к его ученикам, довольно четко отграничивая в свои 19 лет левое крыло их (Ганс, Руге, Розенкранц и др.) от тех, кто только наносил вред его учению.

Поворот Энгельса к Гегелю нашел отражение в статье «Ретроградные знаменья времени». «Героям китайского застоя, мандаринам регресса», признававшим только освященное традицией, он бросил в лицо яркую филиппику в защиту гегелевского взгляда на историческое развитие. В изображении формы истории, писал он, «я предпочитаю скорее сравнение со свободно, от руки начерченной спиралью, изгибы которой отнюдь не отличаются слишком большой точностью. Медленно начинает история свой бег от невидимой точки, вяло совершая вокруг нее свои обороты; но круги ее все растут, все быстрее и живее становится полет, наконец, она мчится, подобно пылающей комете, от звезды к звезде, часто касаясь старых своих путей, часто пересекая их, и с каждым оборотом все больше приближается к бесконечности. Кто может предвидеть конец?» И если она «как будто возвращается на свой старый путь», это вовсе не означает шага назад — просто с этой точки пересечения спирали «история устремляется лишь по кратчайшему пути к новому сияющему созвездию идей»²⁷. В этой статье впервые Энгельс открыто выражал надежду на «взаимодействие науки и жизни, философии и современных тенденций, Бёрне и Гегеля, — на то взаимодействие, подготовка которого уже раньше имела в виду одной частью так называемой «Молодой Германии»²⁸.

Убеждения Энгельса в этот период приобретают все более революционный, радикально-демократический характер. Энгельс продолжал работать на редкость плодотворно.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II (1-е изд.), стр. 36—37.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 330.

²⁵ Там же, стр. 334, 335.

²⁶ Там же, стр. 335.

²⁷ Там же, стр. 353—354.

²⁸ Там же, стр. 356.

Одна за другой публикуются его статьи: «Иозль Якоби», «Реквием для немецкой «Adelszeitung», заметка об Анастасиусе Грюне. Кроме того, в «Mitternacht-Zeitung» появляется его большая обзорная статья «Современная литературная жизнь», первая часть которой посвящена драматургии Гуцкова, а вторая — литературной междоусобице в стане младогерманцев. Летом 1840 г. были напечатаны корреспонденции Энгельса из Бремена в штутгартской «Morgenblatt». Они посвящены в основном литературной и театрально-музыкальной жизни портового города, происходящим в нем религиозным спорам, о которых Энгельс теперь уже судит не с просветительно-рационалистической, а с младогегельянской, то есть, по существу, близкой к атеизму, точки зрения.

Одной из наиболее значительных корреспонденций этого периода является «Поездка в Бремерхафен». 7 июля 1840 г. в письме к сестре Марии Энгельс впервые рассказал о своем посещении бременской гавани. В августе 1841 г. появился его очерк об этой поездке, обнаруживший острый интерес автора к социальным вопросам. Тонко подмечая различия в манере поведения пассажиров судна, среди которых сто процентные бременские бюргеры, биржевики, конторские служащие и пр., он связывает это с их общественным положением. А когда переходит к описанию эмигрантов, вынужденно покидающих родину, голос его полнится искренним сочувствием к их судьбе и возмущением. Второй раз после «Писем из Вупперталя» появляется в публицистике Энгельса строки о бедственном положении трудящихся, теперь уже крестьян. Они показывают, что внимание его к этому социальному слою не ослабло, что мысль его обращается в сторону поисков ответа на вопрос, в чем же причина столь вопиющего социального неравенства, столь беспроектной нужды и бесправия работников. Ответ этот будет найден еще не скоро, но презрение к «сливкам» бременского общества, замещающим верхнюю палубу, и сострадание к загнанным в трюмы ярко характеризуют молодого радикала.

В декабре 1840 — январе 1841 г. появились в «Telegraph» статьи Энгельса «Родина Зигфрида» и «Эрнст Мориц Арндт». Их революционно-демократический, радикальный характер несомненен. В первой статье Энгельс обращается к немецкой молодежи, олицетворением которой, по его мнению, является герой эпоса Зигфрид. Образ этот с отроческих лет волновал Энгельса. Побывав на родине легендарного юноши, он очень выразительно описывает испытанные им при этом чувства, делая Зигфрида символом своих радикальных политических взглядов. «Зигфрид, — пишет он, — представитель немецкой молодежи... Мы все чувствуем ту же жажду дела, ту же вражду к повседневности, которая заставила Зигфрида покинуть замок своего отца; вечные колебания, филистерский страх перед новым делом глубоко ненавистны нашей душе; мы хотим на волю, в широкий мир, мы хотим опрокинуть границы рассудительности и добиваться венца жизни — подвига...» И когда, продолжает Энгельс, нам «удается справиться с филистерством и индифферентизмом, когда жажда подвигов находит себе выход», нас ждет... башня Везеля, тюрьма, «называемая твердыней немецкой свободы». Протестуя против преследований «всякого проявления свободного духа», против незаконной травли тех, «кто видит благо государства не в слепом послушании», Энгельс впервые в своей публицистике выдвигает требование открытого и демократического суда независимых присяжных в противовес «бумажной, тайной, судебной процедуре», которую ведут «оплаченные слуги государства»²⁹.

Статью «Эрнст Мориц Арндт» отличает диалектический характер мышления. Отдавая должное Арндту, писателю, историку и филологу, активному участнику освободительной борьбы немецкого народа против наполеоновского господства, много сделавшему для пробуждения национального самосознания немцев, Энгельс глубоко анализирует процесс превращения этого чувства в «тевтономанию», в национальное чванство. Одновременно Энгельс критикует пробудившийся среди немцев — в противоположность тевтономии — под влиянием буржуазной Июльской революции во Франции «космополитический либерализм южногерманских сословных собраний, отрицавший национальные различия и ставивший своей целью образование великого, свободного, объединенного человечества»³⁰. По справедливому мнению французского историка О. Корню, обе эти тенденции, тевтономанию и космополитический либерализм, Энгельс отвергает

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 65, 66.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 367.

как односторонние, считая, что они должны быть заменены новым, одновременно национальным и освободительным движением, которое он представлял себе опять-таки как сочетание радикальных стремлений Бёрне к политическому преобразованию Германии и мировоззрения Гегеля, понимаемого в революционном духе. Начало такому синтезу, по мнению Энгельса, положили младогегельянцы³¹. Критикуя с демократических, младогегельянских позиций реакционные тенденции во взглядах Арндта, Энгельс высказал в противовес ему, а также представителям романтического направления, в том числе «исторической школы права», защищавшим существовавшие в Германии порядки, свои собственные политические и социальные воззрения. Он требовал образования демократического государства как «великой, единой равноправной нации граждан»³², уничтожения цехов, сословий, майоратов и всех связанных с ними привилегий, свободы земельной собственности и т. д.

Последней публицистической работой, написанной Энгельсом в Бремене, была статья «Воспоминания» Иммермана. Разбирая вышедшие через несколько недель после смерти талантливого писателя мемуары, Энгельс критиковал его пристрастие к пруссачеству, равнодушие к конституционным стремлениям в Германии³³. Основной тезис Энгельса в этой рецензии: Иммерман — автор переходного времени. Именно этим объясняется его двойственность: свободомыслие в религиозном отношении и приверженность — в политическом — к правительству («пруссачество сидело в нем еще весьма крепко»). Однако для Энгельса не остались незамеченными усилия автора «Воспоминаний» «идти в ногу со своим временем», и, возможно, пишет он, «поток истории и размыл бы постепенно плотину консерватизма и пруссачества, за которой укрылся Иммерман». Как и в предыдущих статьях, в этой звучит восторженный панегирик молодому поколению. Ведь именно ему предстоит разрешать проблемы своего времени. «Наше будущее зависит больше, чем когда бы то ни было, от подрастающего поколения»³⁴, — писал Энгельс, несомненно, рассматривая себя как бойца в рядах этого поколения.

Исполненный страстного воодушевления, рвущийся к активной политической деятельности, Энгельс с радостью покидает в конце марта 1841 г. Бремен. После майского путешествия через Швейцарию в Ломбардию и летнего отдыха дома Энгельс в сентябре отправляется в Берлин для прохождения воинской службы. Он выбирает Берлин как крупный университетский город, который давал ему наилучшую возможность продолжить образование и завязать личные отношения с младогегельянами. Вот почему, став вольноопределяющимся гвардейского пехотно-артиллерийского полка, Энгельс сразу же записывается вольнослушателем Берлинского университета и начинает посещать лекции виднейших профессоров — Шеллинга, Вердера, Мархейнеке и др.

Именно в это время начался процесс революционирования левых гегельянцев. Вызван он был тем, что либеральные иллюзии и надежды, которые связывались с появлением в 1840 г. на прусском престоле Фридриха-Вильгельма IV, довольно быстро лопнули. Новый король вовсе не помышлял о конституции и буржуазном народном представительстве, как воображали либералы. Напротив, смертельно напуганный растущим влиянием левых учеников Гегеля, Фридрих-Вильгельм IV после керуши Альтенштейна, довольно терпимо относившегося к религиозным спорам и не покушавшегося на свободу науки, назначил министром исповеданий тупого пиеиста Эйхгорна. Сразу же вместо гегельянцев на университетских кафедрах появились ортодоксы, пиеисты, романтики, столпы «исторической школы права». Младогегельянскому журналу «*Halbische Jahrbücher*», издававшемуся философом и публицистом А. Руге, король предписал надзор прусской цензуры, и Руге был вынужден переселиться в Дрезден, где с июля 1841 г. его журнал выходил под новым названием — «*Deutsche Jahrbücher*». Эти и другие события показали младогегельянам, что новый король повернул вспять, к христианско-романтической реакции. Необходимость пересмотра взглядов на роль прусского государства становилась в этих условиях вполне очевидной. Журнал А. Руге резко

³¹ См. О. Корню, К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. Т. 1. М. 1959, стр. 246.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 372.

³³ См. там же, стр. 379.

³⁴ Там же, стр. 384.

усиливает полемику против прусского государственного строя и все настойчивее проводит идею свободы. Когда же Руге узнает о приглашении Шеллинга в Берлин, где тот должен был, по выражению короля, искоренить «драконов посев гегелевского пантеизма, пошлое всезнайство», то пишет Фейербаху: «Было бы не простительно не приветствовать этот вызов реакции бомбами и картечью»³⁵. Первой такой «бомбой» и стала статья Ф. Энгельса «Шеллинг о Гегеле», которой завершилось его сотрудничество в «Telegraph für Deutschland».

Появление Шеллинга, в прошлом во многом единомышленника Гегеля, но с тех пор значительно поправевшего и проникшегося религиозностью и мистицизмом, на университетской кафедре Берлина Энгельс и другие младогегельянцы восприняли как повод для полемики, которой они придавали огромное значение. Со свойственным молодости азартом ринулся Энгельс в философско-политическую борьбу. Его одушевляло желание «начать битву в защиту великого покойника», «брань над могильной плитой Гегеля» вызвала в его душе резкий протест. «Мы не боимся борьбы, — заявлял Энгельс. — Мы ничего так не желаем, как быть некоторое время в положении ecclesia pressa (гонимой церкви. — В. С.). Здесь происходит размежевание умов. Все, что истинно, выдерживает испытание огнем, с недоброкачественными же элементами мы охотно расстанемся»³⁶.

Первое выступление Энгельса против Шеллинга носило скорее политический, нежели умозрительно-философский характер. Вышедшие затем анонимно две брошюры Энгельса — «Шеллинг и откровение» и «Шеллинг — философ во Христе» — углубили критику шеллинговской философии откровения, показав, вместе с тем, что Энгельс — пока еще убежденный идеалист гегелевского толка, рассматривающий мировой дух как движущую силу исторического развития и верящий во всемогущество идеи, — стремится, однако, отбросить все консервативное во взглядах Гегеля и утвердить подлинно радикальные выводы из его философии. В гегелевскую веру в торжество разума и истины он вложил революционное содержание. Он понимал под этим торжеством победу демократии. Доказав, что попытка Шеллинга опровергнуть Гегеля не удалась, Энгельс отмечал, что учение Гегеля следует критиковать не за то, что оно, как думает Шеллинг, объясняет веру разумом, а за то, что, изменив своим собственным принципам под нажимом реставрации, оно приняло реакционный характер. «Те пределы, которые сам Гегель поставил как заруды мощному, бурно кипящему потоку выводов из его учения, обусловливались отчасти его временем, отчасти его личностью. Система в основных своих чертах была готова еще до 1810 г., к 1820 г. мировоззрение Гегеля уже сложилось окончательно. Его политические взгляды, его учение о государстве, складывавшиеся под влиянием английских учреждений, носят явный отпечаток периода Реставрации, что отразилось также и на непонимании им июльской революции в ее всемирно-исторической необходимости»³⁷. Энгельс добавлял, что сами принципы Гегеля хороши, и заслугой младогегельянцев является то, что они сохранили их, устранив полностью непоследовательные выводы учителя.

В брошюре «Шеллинг и откровение» впервые обнаруживаются следы влияния на автора Л. Фейербаха, его «Сущности христианства». Разделяя с Б. Бауэром веру во всемогущество критики, которая должна вести к бесконечному прогрессу всеобщего самосознания, Энгельс в отличие от Бауэра не противопоставлял это самосознание в его диалектическом развитии конкретному миру, а вслед за Фейербахом утверждал, что такое развитие должно совершаться путем объединения человека с природой и что целью его является действительное освобождение человека от всех оков. Брошюра «Шеллинг и откровение» зафиксировала огромный перелом в сознании молодого Энгельса, завершив процесс преодоления им религиозности. Утратив веру в личного бога, Энгельс воспринял гегелевскую идею божества, на почве которой вновь и вновь возрождались мучительные религиозные сомнения (об индивидуальном бессмертии и т. п.). Возникший было разлад в его душе сняла «Сущность христианства» Фейербаха. Отвергнув религию, Энгельс обрел новую веру — веру в бесконечную способность самосознания к развитию. Так в результате критической работы мысли, разрушив культ бога, он стал атеистом.

³⁵ Цит. по: М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости. Л. 1958, стр. 80.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 393.

³⁷ Там же, стр. 397.

Написанная Энгельсом в июне — июле 1842 г. сатирическая поэма «Библии чудесное избавление» подтверждает этот вывод. Энгельс в ней весьма резко выступил против религиозного мракобесия. Называя себя «Освальдом-монтаньяром», он тем самым отводит себе место на крайнем левом фланге младогегельянского направления. В немалой степени стремительному развитию Энгельса способствовало начавшееся в апреле 1842 г. сотрудничество его в кельнской «Rheinische Zeitung», активно поддерживаемой берлинским кружком младогегельянцев — «Свободными». В этой газете сотрудничал и Маркс, с сентября 1842 г. ставший ее соредактором. Позднее Маркс порвал со «Свободными» из-за их тяготения к туманным рассуждениям, к «фразерскому коммунизму» и экстремизму. Будущие друзья и соратники впервые встретились лишь в конце ноября, когда Энгельс, направляясь в Англию, заехал в Кельн, и встреча эта, по свидетельству Энгельса, была «очень холодной», так как Маркс считал его союзником «Свободных». К этому времени Энгельс был уже автором 12 статей и заметок, опубликованных в газете и отражавших его борьбу со старогегельянством и «исторической школой права», отношение к либерализму и немецкому дворянству, к прусскому закону о печати и другим актуальным проблемам. Работа в «Rheinische Zeitung» открыла новый этап в публицистике автора «Писем из Вуппертала».

Когда Энгельс понял, что рамки «Молодой Германии» стали слишком тесны для его взглядов, он без колебаний расстался с ней, свел к нулю свою литературную позицию в статье «Комментарии и заметки к современным текстам», опубликованной в «Rheinische Zeitung», и в рецензии на книгу А. Юнга «Лекции о современной литературе немцев», помещенной в июльском номере «Deutsche Jahrbücher». Беспощадно высмеивая в этой рецензии претенциозные изыскания А. Юнга, проглядевшего, что на смену «Молодой Германии» пришла младогегельянская школа, Штраус, Фейербах, Бауэр, что в полном разгаре борьба принципов — борьба не на жизнь, а на смерть, Энгельс решительно выступает против попыток «валить Гегеля в одну кучу с младогерманцами», требует оценивать творчество того или иного писателя по тому, чего стоят «все его направления, его литературный облик, все его творчество в целом»³⁸. Убедившись окончательно, что младогерманцы не оправдали надежд, он отбрасывает всякую снисходительность, дает суровую оценку виднейшим представителям отжившего направления и его журналам, указывая, что «их время прошло, они постепенно поглощаются политическими газетами, которые вполне могут справиться с тем немногим, что появляется в области литературы»³⁹.

Эта статья, а также статьи, опубликованные в «Rheinische Zeitung» («Северогерманский и южногерманский либерализм», «Централизация и свобода» и др.), интересны еще и тем, что Энгельс открыто выступает в них против умеренного, робкого, половинчатого либерализма. Эклектизм и примиренчество А. Юнга так же неприемлемы для него, как и хлесткий юмор Л. Валесроде, его язвительные насмешки над всевозможными нелепостями немецкой жизни, не подкрепленные «позитивным широким мирозерцанием» и не отвечающие «уровню философии данной эпохи»⁴⁰. С младогегельянских позиций критикует он и половинчатый южногерманский либерализм, противопоставляя ему северогерманский, отличающийся, по его мнению, безусловной последовательностью, определенностью требований и широтой взглядов. Отмечая, что северогерманский либерализм (этим термином Энгельс обозначил более радикальное направление среди немецкой интеллигенции) обладает «более высокой степенью развития и разносторонности, более прочной как исторической, так и национальной основой»⁴¹, Энгельс связывает его успехи с тем, что он идет не от практики к теории, а, напротив, от теории (то есть новейшей немецкой философии) к практике, что источником его была не только Июльская революция, но вся мировая история, и в особенности германская.

Статья «Централизация и свобода», до последнего времени не входившая в издания Сочинений Ф. Энгельса (публикация ее готовится в 41-м, дополнительном томе Сочинений), показывает, что к осени 1842 г. он убедился в несостоятельности либеральной идеологии не только в Германии, но и в Европе вообще. «Бессилие фран-

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 476, 477.

³⁹ Там же, стр. 481.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 236.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 498.

Написанная Энгельсом в июне — июле 1842 г. сатирическая поэма «Библии чудесное избавление» подтверждает этот вывод. Энгельс в ней весьма резко выступил против религиозного мракобесия. Называя себя «Освальдом-монтаньяром», он тем самым отводит себе место на крайнем левом фланге младогегельянского направления. В немалой степени стремительному развитию Энгельса способствовало начавшееся в апреле 1842 г. сотрудничество его в кельнской «Rheinische Zeitung», активно поддерживаемой берлинским кружком младогегельянцев — «Свободными». В этой газете сотрудничал и Маркс, с сентября 1842 г. ставший ее соредактором. Позднее Маркс порвал со «Свободными» из-за их тяготения к туманным рассуждениям, к «фразерскому коммунизму» и экстремизму. Будущие друзья и соратники впервые встретились лишь в конце ноября, когда Энгельс, направляясь в Англию, заехал в Кельн, и встреча эта, по свидетельству Энгельса, была «очень холодной», так как Маркс считал его союзником «Свободных». К этому времени Энгельс был уже автором 12 статей и заметок, опубликованных в газете и отражавших его борьбу со старогегельянством и «исторической школой права», отношение к либерализму и немецкому дворянству, к прусскому закону о печати и другим актуальным проблемам. Работа в «Rheinische Zeitung» открыла новый этап в публицистике автора «Писем из Вуппертала».

Когда Энгельс понял, что рамки «Молодой Германии» стали слишком тесны для его взглядов, он без колебаний расстался с ней, сведя счеты с ее литературной позицией в статье «Комментарии и заметки к современным текстам», опубликованной в «Rheinische Zeitung», и в рецензии на книгу А. Юнга «Лекции о современной литературе немцев», помещенной в июльском номере «Deutsche Jahrbücher». Беспощадно высмеивая в этой рецензии претенциозные изыскания А. Юнга, проглядевшего, что на смену «Молодой Германии» пришли младогегельянская школа, Штраус, Фейербах, Бауэр, что в полном разгаре борьба принципов — борьба не на жизнь, а на смерть, Энгельс решительно выступает против попыток «валить Гегеля в одну кучу с младогерманцами», требует оценивать творчество того или иного писателя по тому, чего стоят «все его направление, его литературный облик, все его творчество в целом»³⁸. Убедившись окончательно, что младогерманцы не оправдали надежд, он отбрасывает всякую снисходительность, дает суровую оценку виднейшим представителям отжившего направления и его журналам, указывая, что «их время прошло, они постепенно поглощаются политическими газетами, которые вполне могут справиться с тем немногим, что появляется в области литературы»³⁹.

Эта статья, а также статьи, опубликованные в «Rheinische Zeitung» («Северогерманский и южногерманский либерализм», «Централизация и свобода» и др.), интересны еще и тем, что Энгельс открыто выступает в них против умеренного, робкого, половинчатого либерализма. Эклектизм и примиренчество А. Юнга так же неприемлемы для него, как и хлесткий юмор Л. Валесроде, его язвительные насмешки над всевозможными нелепостями немецкой жизни, не подкрепленные «позитивным широким мирозерцанием» и не отвечающие «уровню философии данной эпохи»⁴⁰. С младогегельянских позиций критикует он и половинчатый южногерманский либерализм, противопоставляя ему северогерманский, отличающийся, по его мнению, безусловной последовательностью, определенностью требований и широтой взглядов. Отмечая, что северогерманский либерализм (этим термином Энгельс обозначил более радикальное направление среди немецкой интеллигенции) обладает «более высокой степенью развития и разносторонности, более прочной как исторической, так и национальной основой»⁴¹, Энгельс связывает его успехи с тем, что он идет не от практики к теории, а, напротив, от теории (то есть новейшей немецкой философии) к практике, что источником его была не только Июльская революция, но вся мировая история, и в особенности германская.

Статья «Централизация и свобода», до последнего времени не входившая в издания Сочинений Ф. Энгельса (публикация ее готовится в 41-м, дополнительном томе Сочинений), показывает, что к осени 1842 г. он убедился в несостоятельности либеральной идеологии не только в Германии, но и в Европе вообще. «Бессилие фран-

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 476, 477.

³⁹ Там же, стр. 481.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 236.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 498.

цузского либерализма» со всей очевидностью выявилось в период господства министерства Гизо, которое «увенчало реакционные тенденции» во Франции, открыто попирая «принципы народного суверенитета, свободной прессы, независимого правосудия с участием присяжных заседателей, парламентской формы правления»⁴². «Причиной этого факта,— писал Энгельс,— являются два обстоятельства: на первое из них более мужественные либералы уже не раз указывали в борьбе с реакционерами — это половинчатость и двусмысленность французской конституции, в которой никогда не был в категорической форме выражен и не проводился в жизнь принцип свободы; второе — это централизация».

Проследивая историю централизации во Франции, Энгельс отмечал, что она «развивалась, как и всюду, параллельно истории абсолютизма»; что, создав громадную пропасть между Парижем и всей страной, она способствовала воцарению Наполеона, а отсталость и апатия провинций, бывшие ее следствием, привели к тому, что «Июльская революция была произведена только Парижем». С тех пор Франция теряет одно за другим завоевания этой революции, так как буржуазия, унаследовавшая от абсолютизма бюрократическую централизацию, умело использует ее в своих узкокорыстных целях. Энгельс в своей статье, верно подметив «триумф Луи-Филиппа и горчайшее унижение всех тех, кто ожидал от Июльской революции освобождения Европы», наличие у Гизо мощной поддержки со стороны реакционного крыла палаты депутатов, еще не видел тогда подлинных причин происшедшего. Называя источником регресса во французском законодательстве централизацию, он утверждал, что в сложившейся сейчас во Франции форме «централизация неразумна и в силу этого является причиной вышеприведенных последствий». Этот перенос проблемы в сферу абстрактно-гегельянских категорий весьма характерен для «Свободных», к которым примыкал тогда Энгельс.

Однако он все же гораздо ближе, чем «Свободные», подходил к конкретной действительности и указывал, что «централизация в ее крайней форме, которая господствует теперь во Франции, представляет выход государства за его пределы, за пределы его сущности». Поэтому она наносит ущерб как индивидууму и его свободе, так и мировой истории. Энгельс так разъяснял свою позицию: только история, писал он, имеет право «распоряжаться жизнью, счастьем и свободой отдельных индивидуумов, ибо она является делом всего человечества, жизнью данного рода». Государство же не может «жертвовать единичным ради общего», а именно это и происходит во Франции. Государство здесь совершает несправедливость, жертвуя провинциями ради центра и устанавливая олигархию аристократии одной местности, ничуть не более справедливую и разумную, чем аристократия знати или аристократия денег. Закономерность происходящего Энгельсу еще не ясна; понимание классовой сущности государства придет к нему значительно позднее. Но уже теперь, в рамках еще идеалистического мировоззрения, он проявил глубокую интуицию в толковании реальных исторических явлений. Так, он подмечал связь между бюрократической централизацией и абсолютистским строем и, самое главное, преемственность в этом отношении между абсолютизмом и мнимо либеральным режимом Июльской монархии.

Энгельс справедливо указывал, что созданная еще абсолютистским режимом пропасть между провинциями и центром не только не ликвидируется, но и всячески углубляется, ибо низкий уровень политического развития в провинциальных избирательных округах на руку правящей партии, позволяя ей проводить в палату «депутатов, удобных министерству». Вместе с тем он понимал историческую неизбежность и необходимость централизации. «Централизация — сущность и жизненный нерв государства, и в этом заключается ее оправдание», ни одно государство не может обойтись без нее, в том числе федеративное. «Пока существуют государства, у каждого из них будет свой центр, и каждый гражданин будет выполнять свои гражданские функции только в силу централизации». Но коль скоро централизация заставляет государство вторгаться в пределы индивидуальной жизни, то нельзя согласиться с утверждением, что оно воплощает абсолютную свободу. «Государство — это не реализация абсолютной свободы, каким оно считается,— заканчивает статью Энгельс,—... оно лишь объективная свобода. Истинная субъективная свобода, которая равно-

⁴² Здесь и ниже статья цитируется по «Rheinische Zeitung», 18.IX.1842, Beiblatt.

сильна абсолютной свободе, требует для своего осуществления иных форм, чем государство». Таким осуждением современного ему государства, облеченным в философскую форму, но носящим политический, революционный характер, завершал Энгельс последнюю написанную в Берлине статью.

В начале октября 1842 г. закончилось прохождение Энгельсом воинской службы, он получил аттестацию бомбардира и выехал домой, в Бармен. По пути он посетил Кёльн, редакцию «Rheinische Zeitung». Но Маркса в это время не было в Кёльне. Происходившему тогда повороту Энгельса к коммунизму способствовали знакомство с работами, статьями сотрудников и корреспондентов «Rheinische Zeitung», чтение книг В. Вейтлинга, сыгравших заметную роль в пропаганде коммунизма в Германии. Влияние этих работ довольно явственно прослеживается в первых корреспонденциях Энгельса из Англии, открывающих новый этап литературно-публицистической деятельности и новый, наиболее значительный этап идейного развития Энгельса.

Сотрудничество Ф. Энгельса в прогрессивных немецких периодических изданиях 1839—1842 гг. сыграло громадную роль в формировании его мировоззрения, столкнув его лицом к лицу с важнейшими для того времени проблемами идейной борьбы и социальной жизни и предоставив возможность активно участвовать в их разрешении. Статьи, очерки, корреспонденции Ф. Энгельса (Освальда) рельефно отражали как сложность, так и последовательность его духовного и политического развития, неутомимую работу критической мысли, боевой темперамент политического борца. Со страниц газет и журналов тех лет встает перед нами привлекательный образ дерзкого и неустрашимого искателя истины. Насыщенная множеством глубоких проблем, яркая по форме, публицистика молодого Энгельса составляет одну из самых замечательных страниц в истории революционно-демократической печати Германии.